

УДК 316.6
ББК 88.5
Ч-57

Nicole Chung
ALL YOU CAN EVER KNOW

Copyright © 2018 by Nicole Chung First published in the United States
in 2018 by Catapult (catapult.co) All rights reserved

Чжен, Николь.
Ч-57 Все, что ты только сможешь узнать / Николь Чжен ; [перевод с английского Э. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Secret Garden. Наедине с собой).

ISBN 978-5-04-102264-8

Усыновление чаще всего воспринимается как безусловное благо, а приемные родители видятся истинными героями, которые сумели вразить в себе любовь к чужаку. Героям положен хэппи-энд, это всем известно; вот только за ослепительной радостью пополнения семьи никто не упоминает о трудностях жизни после.

Николь Чжен, удочеренная во младенчестве, пишет о том, каково ежедневно сталкиваться с расспросами, недоумением и предубеждением из-за непохожести на своих родственников. Николь пишет о своем опыте поиска родственников, отказавшихся от нее в младенчестве, — и о том, как это повлияло на ее собственное материнство.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-102264-8

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Синди
и нашим дочерям*

...я хотела знать;
Кем бы я ни была — я была...

Мэри Оливер, «Кошачья акула»

Что, и ты тоже? А я думал, что такой только
я один.

К. С. Льюис, «Четыре любви»

ЧАСТЬ I

История, которую рассказывала мне о них мама, всегда звучала одинаково.

Твои родные родители тогда только переехали сюда из Кореи. Они думали, что не смогут дать тебе ту жизнь, которой ты заслуживаешь.

Это первая история, что я помню; та самая, что придала форму сотне других, когда я достаточно повзрослела и осмелела, чтобы приняться за поиски.

Когда я была еще маленькой — года три-четыре, как мне говорили, — я забиралась на колени к матери, а потом просила рассказать ее. Мамины руки обхватывали меня, крепкие и сильные рядом с моими тростинками, бледные и веснушчатые по сравнению с моей светло-коричневой кожей. Иногда в этих полувоображаемых воспоминаниях я представляю ее в платье, в которое она одета на нашем единственном семейном портрете того времени. Оно сиреневое с расклешенными рукавами — странно трепетный выбор для моей серьезной и рассудительной матери. В то время мое лицо обрамляли сияющие черные волосы, стриженные «под горшок» и забранные в хвостики, создавая резкий контраст с ржавевато-каштановой копной «перманентных» кудрей, ко-

ВСЕ, ЧТО ТЫ ТОЛЬКО СМОЖЕШЬ УЗНАТЬ

торые носила мать, когда я была маленькой; к тому времени я уже, несомненно, перерастала малышовую «милоту». Но мама видела во мне красавицу. Когда считаешь другого человека даром, врученным тебе Богом, наверное, просто невозможно видеть в нем что-то другое.

Как они могли отдать меня?

Должно быть, я задавала этот вопрос сотни раз, и моя мать ни разу не отклонялась от одного и того же ответа. Годы спустя я гадала, подсказал ли ей кто-то, как утешать меня: возможно, она вычитала этот совет в книге, или услышала в агентстве по усыновлению/удочерению, или, как моя родительница, она просто знала, что должна говорить. Что я хотела услышать.

Врачи сказали им, что у тебя всю жизнь будут трудности. Твои родные родители очень горевали из-за того, что не могли оставить тебя, но они думали, что удочерение будет для тебя наилучшим выходом.

Я, хоть и малышка, тоже знала свою реплику назубок.

Они были правы, мама.

К тому времени как мне исполнилось пять или шесть лет, я слышала сказку о своих любящих, бескорыстных биологических родителях столько раз, что могла бы рассказать ее наизусть сама. Я собирала всевозможные факты, храня редкие и выцветшие «окошки» в свое прошлое, как любимые яркие

ЧАСТЬ I

игрушки. *«Возможно, это все, что ты сможешь узнать»*, — говорили мне. В общем и целом это была нерадостная история, но это была *их* история — и моя тоже. Единственное общее, когда-либо существовавшее между нами. И, как представлялось моим приемным родителям, эта история не могла закончиться никак иначе.

Так что когда люди спрашивали о моей семье, о моей внешности, о моей судьбе, возможно, не стоило удивляться тому, как я отвечала. Поначалу — радостным детским чириканьем, потом — лекторским тоном человека, обязанного просветить других. Я старалась говорить спокойно и прямо, никогда не выдавая голосом никаких чувств, никогда не меняя деталей. Пересказ истории, которую я зазубрила с младых ногтей, был, как мне казалось, единственным способом получить признание. Он был одновременно и оправданием тому, как я выглядела, и способом попросить за это прощения.

Оглядываясь назад, я, разумеется, вижу зияющие прорехи: *«Почему они не попросили помощи? Что было бы, если бы они передумали? Удочерили бы вы меня, если бы у вас был шанс завести собственного ребенка?»*

Семейный фольклор, переданный в детстве, имеет над нами такую власть, такую долгоживущую силу! Он может сформировать русло своеобразной веры, способной посоперничать с любой религией, наполняющей наши взгляды на самих себя, наши семьи, наше место в этом мире. Когда в моей голове проклевывались предательские семена сомнения, когда я чувствовала себя потерянной, одинокой и не знающей всех тех вещей, которые никак не могла знать, я говорила себе, что такой благородный поступок, как жертва моих биологических родителей, требует моего доверия. Моей верности.

ВСЕ, ЧТО ТЫ ТОЛЬКО СМОЖЕШЬ УЗНАТЬ

Они думали, что удочерение будет для тебя наилучшим выходом.

Помимо всего прочего, эта легенда обрела определенный вид и рассказывалась снова и снова, потому что мои родители хотели, чтобы я верила, что моя кровная семья любила меня с самого начала; что моим приемным родителям, в свою очередь, суждено было меня удочерить; что эта история развивалась именно так, как должна была развиваться. Это был фундамент, на котором они строили нашу семью. Подрастая, я тоже формировала на нем свою идентичность. Эта история, линия жизни, заложенная во времена, когда я была еще слишком мала для более серьезных вопросов, продолжала приносить мне утешение. И годы спустя, став взрослой и ожидая рождения собственного ребенка, я принялась искать свою кровную семью, по-прежнему желая в нее верить.

Однажды летом 2003 года во второй половине дня два человека, с которыми я только что познакомилась, сидели напротив меня в своей залитой солнечным светом квартире и спрашивали: как я считаю, следует ли им усыновить ребенка? Они несколько лет пытались зачать, но не смогли и теперь хотели усыновить малыша из другой страны. Они назвали некоторые из программ, которые их заинтересовали. Ни одна из них не привела бы к усыновлению белого ребенка.

Они спросили, чувствовала ли я когда-нибудь, что мои приемные родители не были моими «настоящими» родителями.

«Никогда», — ответила я твердо.

Они спросили, поддерживаю ли я контакт со своей кровной семьей.

«Нет, — сказала я. — Не поддерживаю».

Они спросили, возникали ли у меня какие-нибудь — *любые* — проблемы в детстве.

Я ощутила нечто вроде паники — внезапный стыд разоблачения.

Наверное, на моем лице они прочли только растерянность, потому что один из них попытался конкретизировать вопрос. Я когда-нибудь из-за этого *переживала*? Из-за того, что я не белая, как мои родители?

ВСЕ, ЧТО ТЫ ТОЛЬКО СМОЖЕШЬ УЗНАТЬ

Я хотела ответить. Мне нравились эти супруги, и я знала, что моя задача — успокоить их, ободрить, ведь они явно этого заслуживали. *Переживала* ли я из-за того, что не была белой? Это все равно что спросить, переживала ли я из-за того, что была корейкой. «*Да, переживала*» или «*нет, не переживала*» — оба этих ответа казались слишком мягкими для описания того, что я чувствовала.

Истина заключалась в том, что обе эти мои ипостаси (и то, что я корейка, и то, что я удочеренная) были вещами, которые я любила и ненавидела в равной мере. В детстве я была единственной корейкой, знакомой большинству моих друзей и родственников, единственной корейкой, которую знала я *сама*. Порой удочерение — то, что от меня отказались, ибо я не могла думать об этом иначе, когда была маленькой, — расстраивало меня сильнее. Порой меня больше удручали мои отличия от других. Но в основном — все разом: расовая принадлежность и удочерение, связанные части моей идентичности, которые ставили меня наособицу от всех остальных в моем кругу. Я не могла ни изменить эти факты, ни отрицать их, поэтому старалась примириться с ними. Придушить зарождающийся гнев или растерянность, когда примирение оказывалось невозможным, снова и снова.

У всех членов одной семьи есть свои способы определять других ее членов. Все родители по-своему говорят какие-то вещи о своих детях так, словно это неопровержимые факты, даже когда дети ни на секунду не верят, что это правда. Вот почему столь многие из нас порой чувствуют себя одиночками или невидимыми, несмотря на истинную любовь, которую мы питаем к своим семьям, а они — к нам. В детстве

ЧАСТЬ I

я не понимала, кем мне полагается быть, хотя некоторые интерпретации моих приемных родственников — как «*ты наша азиатская принцесса!*», так и «*разумеется, мы не считаем тебя азиаткой*» — вызывали у меня одинаковое внутреннее сопротивление. Полагаю, мое приемное семейство по большей части желало игнорировать тот факт, что я была отпрыском людей с другого конца света, неизвестных иностранцев, ставших американцами. Для них я ни в коем случае не была дочерью этих иммигрантов: удочерив, родители сделали меня одной из них.

И пожалуй, я бы никогда не испытывала никаких иных чувств — тоже думала бы о себе как о *почти* белой, — если бы не все те люди, которые никогда не предавались этой фантазии. Если бы не люди

за пределами моей семьи, моего дома, за пределами досягаемости взгляда моих родителей. Поскольку я попала между двух огней, оказавшись между «расово-дальтоническим» идеалом моей семьи и откровенно очевидной «зрячестью» других, пожалуй, вряд ли стоит гадать, какой из них дарил мне большее чувство безопасности. Какой из них я предпочитала и пыталась принять как свой собственный.

Однако в какой-то момент, покинув родительский дом, я научилась гордиться своим наследием. В средних и старших классах школы я водила дружбу с детьми, которые любили и принимали меня, хотя я была одной из детей-азиатов, а таких среди их знакомых была лишь горстка. Потом

Семейный фольклор имеет над нами такую власть, такую долгоживущую силу! Вера, которую он вселяет, способна поспорничать с любой религией; она наполняет наши взгляды на самих себя, наши семьи, наше место в этом мире.

ВСЕ, ЧТО ТЫ ТОЛЬКО СМОЖЕШЬ УЗНАТЬ

я поступила в колледж и оказалась в среде, где таких же азиатов, как я, было невероятно много. В кампусе, который вскоре стал для меня более родным, чем городок, в котором я прожила всю свою недолгую жизнь, я наконец узнала, каково это — когда ты существуешь в пространстве,ходишь в учебную аудиторию и на тебя никто не пялится. Как же мне нравилось быть просто еще одной девушкой-азиаткой среди нескольких тысяч! Каждый день я чувствовала облегчение оттого, что обрела жизнь, в которой больше не была окружена со всех сторон белыми людьми, не представлявшими, что обо мне и думать.

И все же я, будучи полностью отлученной от своей культуры, не понимала, что значит быть корейкой, да и могли я вообще по-настоящему зваться ею. Когда моя соседка по общежитию, американка корейского происхождения, называла меня «бананом», я прекрасно понимала, что это не комплимент, но ответить мне было нечего. Для меня Корея была всего лишь далекой страной, намного менее реальной, чем какая-нибудь фантазия, а моя собственная корейская семья существовала в альтернативной вселенной, которую я и представить себе не могла. Мне еще только предстояло определить место, которое удочерение занимало в моей жизни, и разобраться, что это значит для меня и что я должна об этом думать. И тогда, в мои двадцать два года, когда я сидела в столовой у своих новых друзей, истинное, пожалуй, более широкое понимание того, кто я есть, все еще брезжило где-то вдали, а я не могла до него дотянуться.

Я переводила взгляд с одной пары искренних глаз на другую, гадая, как мне все это им объяснить. Как я сюда попала? Как я стала голосом утешения для двух людей, со-